

БОЛЬШЕВИКИ И КРЕСТЬЯНСТВО В ГОДЫ НЭПА: МОБИЛИЗУЯ ПАМЯТЬ О РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Формирование нового концепта коллективного целого, составной частью которого являлась историческая память, было одной из центральных задач большевистского руководства с момента его прихода к власти. Особенно важным представлялось научить говорить и думать по-советски крестьянство, составлявшее в 1920-е гг. большинство населения. Власть стремилась подключить крестьянские массы к созданию образа революции. Выявляются характерные для 1920-х гг. содержание и ключевые моменты крестьянской памяти об аграрном движении 1917 г. Показан процесс формирования ретроспективного взгляда на революционные события, опыт актуализации недавнего прошлого, проецирования «сегодняшней» (с точки зрения 20-х гг.) ситуации на него.

Материалы и методы. Основным источником являются опубликованные и неопубликованные воспоминания селькоров, написанные для «Крестьянской газеты». Изучение селькоровского мемуарного комплекса построено в русле социально-исторической антропологии, позволяющей представить образы прошлого и переживания людей.

Результаты. Подобный подход может способствовать, во-первых, дальнейшему изучению особенностей восприятия социальной действительности крестьянством, во-вторых, пониманию характера процесса размывания крестьянского типа ментальности, в-третьих, дополнению представленной в исследованиях панорамы аграрной революции в ее психоментальном измерении.

Выводы. Хотя воспоминания селькоров были призваны продемонстрировать руководящую роль большевиков в аграрной революции и сознательную большевизацию крестьянства, они не укладывались в социальный заказ. Главным действующим лицом памяти выступало само общинное крестьянство и его классовая солидарность. Посредством самоорганизации «мир» стремился вытеснить из сельского пространства городскую культуру, ее носителей и установить свой крестьянский порядок. Подобная память опиралась на растущее в 20-е гг. самосознание крестьянства и его требования участия во власти.

Ключевые слова: крестьянство, община, революция, власть, город, память, прошлое.

I. E. Koznova

THE BOLSHEVIKS AND THE PEASANTRY IN THE YEARS OF NEP: MOBILIZING THE MEMORY OF THE REVOLUTION

Abstract.

Background. The formation of a new concept of a collective whole, with the historical memory being an integral part, was one of the central tasks of the Bolshevik

leadership from the moment of its coming to power. It was especially important to teach the peasantry, which formed the majority of the population in 1920s, how to speak and think the Soviet way. The authorities sought to connect the peasant masses to create an image of the revolution. The article investigates the peasant memory of the agrarian movement of 1917, shows the process of forming a retrospective view of revolutionary events and presents the experience of actualization of the recent past, a projection of the “current” (from the point of view of 1920s) situation on it.

Materials and methods. The main source is the published and unpublished memories of the Selkor, written for the Peasant Newspaper. The study of the Selkor memorial complex is built in the mainstream of socio-historical anthropology, which makes it possible to present images of the past and the experiences of people.

Results. Such an approach can contribute, firstly, to a further study of the features of the perception of social reality by the peasantry, secondly, to an understanding of the nature of the process of erosion of the peasant mentality type, and, thirdly, to supplement the panorama of the agrarian revolution presented in studies in its psychomantic dimension.

Conclusions. Although the memories of the Selkor were intended to demonstrate the leading role of the Bolsheviks in the agrarian revolution and the conscious Bolshevikisation of the peasantry, they did not fit into the social order. The main actor of memory was the communal peasantry itself. Through self-organization, the “world” sought to oust urban culture and its carriers from rural areas and establish its own peasant order. This memory was based on the self-consciousness of the peasantry, growing in the 1920s, and its demands for participation in power.

Key words: peasantry, community, revolution, power, city, memory, past.

Последние десятилетия в мире и в России отмечены многообразным по формам и глубоким по содержанию изменением отношения к прошлому, следствием и проявлением которого стало «мировое господство памяти». В условиях «ускорения истории», разрыва исторической и временной преемственности, кризиса идентичности память превращается в ее движущую силу, в обещание преемственности [1, с. 391–402]. Научная рефлексия отмеченных процессов проявляет себя в мемориальных исследованиях (memory studies), ориентированных на культурную историю социального, на воскрешение прошлого в памяти [2]. Представляя собой образную репрезентацию прошлого в контексте социальной коммуникации, память в ее индивидуальном и коллективном выражении подвергается постоянной реорганизации в соответствии с запросами современности. Существуют разные типы повествования о прошлом, направленные на поддержание с помощью памяти прежней идентичности либо на формирование новой. Среди них выделяют базовые – «триумф/катастрофа», а также конкретизирующие – «героизация», «виктимизация», «ностальгия», «ресентимент», «нормализация прошлого» «проработка прошлого» [3].

Революционные события 1917 г. в России, повлекшие за собой принципиальные изменения социальной жизни, дали импульс формированию нового концепта коллективной идентичности, мемориализации на новых основаниях российского культурного пространства, советизации сознания граждан. Но и сама революция, представлявшаяся ее adeptам воплощением космогонического акта, заняла особое место в отечественной исторической политике. Буквально «на другой день» после установления советской власти началось

творение мифа Октября, на конструирование которого направлялись энергия и пропагандистские усилия большевиков. Коммунистическое руководство активно взялось за мемориально-культурное строительство, создавало и поддерживало традицию коммемораций, призванной не только обосновать и подтвердить его право на власть, но и сформировать новое коллективное целое. Важная роль в создании образа революции отводилась личностным переживаниям ее событий, и уже первое послереволюционное десятилетие было ознаменовано созданием обширного мемуарного комплекса о ней.

Для значительной части населения России 1920-х гг., к которым можно отнести крестьян, революция 1917 г., проходившая под знаком «черного передела», стала апогеем их вековой борьбы за «землю и волю». Пройдя в годы Гражданской войны через острый конфликт с большевистской властью, деревня в годы нэпа испытывала действие разных тенденций, связанных как с сохранением, так и преобразованием традиционных устоев жизни и хозяйственных форм. Важной чертой общественной жизни стало заметное повышение социально-политической активности крестьянства, которую власть стремилась направить в русло советского строительства. В условиях довольно противоречивого нэповского курса власть осваивала все каналы своего влияния на деревню.

Одним из таких каналов было подключение крестьянских масс к формированию исторической идентичности советского общества, призванной придать легитимность революции и преобразованиям в деревне. Революция и в силу своей хронологической близости к 1920 гг., когда были живы участники и очевидцы событий, и в силу влияния на общие процессы в стране воспринималась в качестве прошлого лишь отчасти. Фактически, если иметь в виду декларируемое и инициируемое «сверху» классовое противоборство, в том числе в мировом масштабе, она продолжалась.

В июле 1925 г. Я. А. Яковлевым было разослано обращение к 2000 селькорам «Крестьянской газеты» с просьбой написать и прислать в газету свои воспоминания о революции 1917 г. [4]. Обращение включало полтора десятка вопросов, которые в свою очередь детализировались; причем вопросы не требовали обязательного ответа на них по порядку, а предназначались для облегчения воспроизведения событий тех лет в памяти.

Отметим, что время сбора воспоминаний пришлось на момент, когда на селе началась – в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР (март 1925 г.) – активная кампания по лишению бывших помещиков права на землепользование, проживание в прежних хозяйствах и их выселению. В целом она находила поддержку в деревне [5].

Селькоры откликнулись на призыв. Всего из 57 губерний и 225 уездов страны было получено 490 корреспонденций, представляющих собой довольно объемный материал. Селькоры в большинстве своем являлись очевидцами и участниками крестьянского движения в 1917 г., причем значительной их части в 1925 г. было по 20–30 лет. На основе присланных корреспонденций были составлены и опубликованы две подборки, в одну из которых вошло 21 воспоминание [6], в другую – 10 [7]. Назначение приуроченных к десятилетию Октября изданий было популярным, просветительским, поэтому возник замысел создания новой, более обстоятельной, причем научной, публикации. Для нее было отобрано 59 документов (по 37 губерниям и 54 уездам);

помимо новых, в него вошло четыре воспоминания из сборника 1926 г. и одно – из сборника 1927 г. [8]. Таким образом, в свет вышло 85 корреспонденций из 490 присланных. Отбор корреспонденций производился с таким расчетом, чтобы, во-первых, по возможности представить в сборнике все губернии страны, во-вторых, дать по районам лучшие воспоминания как со стороны содержания (типичность описываемых событий, полнота, достоверность, точность и т.п.), так и со стороны формы: в этом отношении предпочтение отдавалось корреспонденциям простого описательного характера (а не художественным). Однако, как отмечал проанализировавший в свое время данные издания В. В. Кабанов, этот отбор, опиравшийся на принцип «типичности», не определял в полной мере адекватность отражения воспоминаниями характера и степени интенсивности крестьянского движения в той или иной губернии. Подверглось критике В. В. Кабановым и второе издание книги (1967 г.) [9] в связи с исключением из него как «нетипичных» 15 документов на том основании, что составитель сборника считал погромы крестьянами помещичьих имений явлением «исключительным» [10].

Опубликованные воспоминания являют пример организованной памяти, поскольку прошли фактически двойную систему фильтрации: сначала это касалось круга вопросов, которые селькорам предстояло осветить в своих воспоминаниях, затем уже при отборе в сборники. Это было именно сознательное конструирование событий 1917 г. под углом того, «как крестьянство потеряло доверие к буржуазному правительству и соглашательским партиям и прочно стало на сторону большевиков» – в общем, и «как организовывалась беднота» – в частности. Опубликованные материалы вполне соответствовали социальному заказу, однако авторы корреспонденций, хотя и придерживались предложенной схемы, все же вносили важные штрихи в «портрет» аграрной революции. Кроме того, ряд недостатков воспоминаний крестьян как исторических документов, на которые обращали внимание составители сборника (хаотичность и недостаточная связанность описания, отсутствие хронологии, субъективизм в оценке событий, перенесение в прошлое переживаний и фактов более позднего времени), во многом отражали именно специфику народной памяти.

Любой героический нарратив – а большевистская трактовка Октября претендовала именно на подобное представление событий – являет собой описание успеха в «борьбе с врагами». И доминировавшему в деревне в послереволюционную эпоху архаическому сознанию, и сознанию представителей новой власти, прошедших сквозь горнило Гражданской войны, было присуще стремление найти и маркировать «врагов». В воспоминаниях селькоров в перечне враждебных крестьянству сил на первом месте стояли помещики. Селькоры делали ставку на изображение крестьянских страданий от помещичьего гнета. Образ помещика – «паука» и «ненасытного зверя», «пьющего крестьянскую кровь из поколения в поколение» – был ярким и впечатляющим. При этом память существовала в двух, тесно связанных между собой, регистрах: виктимности и ресентимента. Так или иначе, она воплощала неприятие иного образа жизни, иной – городской – культуры.

Селькоры часто обращались к событиям 1905 г.; причем характерна двойственность восприятия: дерзость от сопротивления властям и переживание о понесенном за него наказании. В целом применительно к отношениям

с помещиками память включала два аспекта на шкале «героизм» – «жертвенность»: первый имел в виду испытание гордости за поведение предков, второй – испытание унижения.

Среди других «чужих» селькоры называли священников, хуторян и отрубников, крестьян соседних деревень. В селькоровских воспоминаниях сквозила также глухая ненависть к интеллигенции, которая квалифицировалась как «враги народа». Интересно, что этот термин, широко распространенный десятилетие спустя, уже находился в лексиконе эпохи.

Значительное внимание в воспоминаниях уделялось политической стороне проблемы – борьбе партий в деревне, выборам в Учредительное собрание. Показательна демонизация врагов, навешивание ярлыков, несущих в себе наследие Гражданской войны. Особой хулы были удостоены эсеры (в большей степени) и меньшевики; обе партии именовались как «двуликие предатели», «шкурники» – скорее в соответствии с общественно-политической обстановкой 1920-х гг., чем 1917 г. Они нередко отождествлялись с «белыми», им приписывалось распространение слухов, порочащих большевиков и Ленина. Персонификация абстрактных понятий вообще присуща архаическому воззрению, которое наблюдалось тогда и у правителей, и у подданных. А привычка обвинять эсеров в подрывной деятельности была типична для официального советского дискурса, и особенно для сводок ОГПУ. Характерные для 1920-х гг. представления, связанные как с сакрализацией образа Ленина, так и с апокалиптическим видением происходящего, переносились и на 1917 г.: вождь представлялся то Антихристом, то Мессией [11, с. 168–173].

В качестве «своих» селькоры выставляли большевиков и солдат-фронтовиков. Эти новые деревенские авторитеты, наделявшиеся селькоровским мифологизированным сознанием сакральным даром всезнания, явно противопоставлялись прежним, традиционным – старикам. Появляясь, будто в сказке, в нужное время в нужном месте, большевики выступали олицетворением чуда, революционных обещаний, которых жаждали массы и в 1917 г., и в 1920-е гг. Крестьяне не просто якобы «чутьем стали понимать», что это «наша партия», они буквально повалили в партию [8, с. 39, 55, 77, 84, 89, 137, 140, 206, 213, 292]. Возможно, подобное восприятие событий восьмилетней давности отражало события текущие, связанные с «Ленинским призывом» 1924 г., когда целые села записывались в ряды ВКП(б) [11, с. 166].

Именно подобный аспект, призванный продемонстрировать руководящую роль большевиков в аграрной революции и большевизацию крестьянства, причем сознательную, был ведущим в опубликованных воспоминаниях.

Однако крестьяне, воспринимавшие многое в жизни в утилитарном плане, и к лозунгам подходили с точки зрения выгоды, фактически руководствуясь своей собственной формулой – «наша партия одна – Земля и Воля» [12, с. 185]. Прагматизм крестьян хранила и память, акцентируя их низшее положение в системе социальной иерархии: «Много разных других приезжало. Одни говорят так, другие иначе, а все начальники» [8, с. 124, 228].

И хотя классовая риторика заняла подобающее ей место в корреспонденциях об аграрном движении, с этим организованным пластом памяти соседствовал другой. Точнее, он преобладал, и в нем главным действующим лицом выступало само крестьянство со «своим» Семнадцатым годом. Подоб-

ное восприятие отражает и выросшее в середине 1920-х гг. крестьянское самосознание и его политическую активность.

Свержение царизма, по воспоминаниям, вызвало противоречивые чувства – от неуверенности и страхов до радости и надежды. Имел место «синдром ожидания милостей». Но постепенно росла уверенность крестьян в своих правах на землю, а по сути, в праве на насилие. Ключевыми словами воспоминаний стали слова «злоба» и «захват». Именно ресентимент лежал в основе восприятия событий. Право на агрессию и месть, ставшую ведущей в революционной атмосфере, было компенсацией за длительное угнетение, за перенесенные травмы.

После небольшой растерянности первых недель началось «революционное просвещение народа»; росла и самоорганизация крестьянства, прежде всего – на основе общины. И именно крестьянская общинность в ее разнообразных проявлениях запечатлелась в памяти. Причем именно в неопубликованных воспоминаниях селькоров примеры укрепления общины в период новой «русской смуты» оказались наиболее полными, содержали подробное и обстоятельное описание организованных действий общинников в деле включения помещичьих угодий в крестьянский хозяйственный оборот [13].

В период подготовки сборника воспоминаний о революции 1917 г. крестьянская община и ее сход, представлявший всех крестьян, включая богатых, обладали реальной хозяйственной и социальной силой; бюджеты земельных обществ были значительнее, чем у сельсоветов. Как отмечала крестьянка из Московской губернии, «земельное общество еще сильно своей правомощностью. Земельное общество в деревне является вершителем судеб деревенского благоустройства, организованности и т.д. Так что, как ни странно, а сельсовет – мертвая еще точка и на десятый год своего существования» [14]. Нередко именно сельские сходы выдвигали предложения о создании Крестьянского союза. На XV съезде партия вынуждена была констатировать наличие двоевластия в деревне – власти земельного общества (общины) и сельских советов [15, с. 1216, 1217, 1244, 1245, 1380]; влияние общины признавалась в докладной записке отдела по работе в деревне ЦК ВКП(б) (октябрь 1928 г.) [16, с. 439]. Память о некогда проявившей себя сплоченности становилась актуализированным прошлым в условиях недовольства крестьянами советской властью. С точки зрения власти подобные ассоциации были неуместны. В то же время в 1920-е гг. крестьянство, опираясь на опыт своей борьбы с начала XX в., пошло дальше, поскольку требование Крестьянского союза означало не только хозяйственные и локальные, как в случае общины, но и политические и общенациональные притязания на власть.

По эмоциональности описания и по крестьянской выраженности действий наиболее значительными – героическими для крестьян – были погромы помещичьих усадеб. Как правило, селькоров приурочивали их к октябрьскому перевороту, как бы заручаясь санкцией «сверху» и стремясь показать, что крестьяне действовали точно «по рецептам» большевиков, обеспечивая легитимность захватов. Однако в действительности время погромов было больше связано с ритмом сельхозработ и далеко зашедшим революционным нетерпением.

Радикализации крестьянства способствовало также насыщение деревни солдатами-отпускниками и дезертирами; именно они повсеместно провоци-

ровали самоуправство в деревне. Октябрьский переворот санкционировал безнаказанность крестьянских действий; не случайно селькоры отождествляли себя с большевиками. Запомнился призыв – «грабьте». Кстати, из второго издания воспоминаний крестьян, опубликованного в 1967 г., прежде всего были исключены те, в которых описывалось, что погромы инициировались самими крестьянами.

Все корреспонденты, кто более подробно, кто – менее общими штрихами описывали этот, если судить по воспоминаниям, самый яркий и запоминающийся момент крестьянского движения, такую «метелицу». По мемуарам, в момент погромов крестьянами двигал прежде всего страх опоздать, не успеть к разделу помещичьего «пирога». Возникло своего рода соревнование, кто быстрее и больше притащит «всякой всячины». Поскольку каждый стремился опередить другого и не остаться сзади, «брали что попало». Если и звучали благоразумные мнения о необходимости сохранить хотя бы постройки, могущие впоследствии пригодиться, они буквально «тонули» во всеобщем крике: «нужно все уничтожить, – мы завладеем всей землей крепко и полностью».

Одно из самых ярких впечатлений памяти селькоров – масштабность и волнообразность движения крестьянской толпы, которая под звуки набата выступала как единое «большое тело», вбирающее в себя всех – молодых и старых, мужчин и женщин. Это движение сопровождалось как людскими криками, так и криками животных.

И не о земле, а именно как грабили барское добро и делили его – самая сильная память. Столь вожденная для крестьян земля в описании некоторых селькоров даже уходила на задний план. Возможно, характерные для крестьянских воспоминаний элементы «забывания» в отношении земли связаны с нэповской ситуацией, при которой в актуальных социально-экономических отношениях на первый план вышли вопросы налогов и цен. Но главное заключалось, по мнению Д. И. Люкшина, в самой сути «общинной революции» – планомерном вытеснении за пределы среды выживания хозяйствующих субъектов, не включенных или исключенных из структур моральной экономики [17, с. 108, 109]. Важнейшим поведенческим императивом было желание смести имения до основания, чтобы помещикам некуда было возвращаться.

Селькор из Псковской губернии с присущим молодости задором вывел формулу погрома: «*Бери, ломай и жги* – все вещи были разобраны, скот был угнан, винокуренный завод, полный спирта, ограблен и сожжен. Не в одном нашем селении происходила такая ч и с т к а» [8, с. 249] (разрядка источника – И. К.). Двадцатипятилетнему селькору были по душе язык и действия эпохи, для которой «чистка» входит в практику, а само слово и стоящее за ним явление становятся знаковыми.

Женщины, точнее солдатки, судя по некоторым мемуарам, вели себя особенно напористо: «бабы-солдатки кричали больше всех», «бабы-солдатки выступали на сходах за разгром».

Другим императивом было стремление разделить ответственность между всеми односельчанами. Как отмечал селькор из Саратовской губернии, «когда стали раздавать овец, то некоторые богатеи-мужики их не брали, но им насильно загоняли к ним во дворы и приказывали резать для еды. Это де-

лалось для того, чтобы в будущем, если придется, то ответ держать за расхищенное добро и имущество всем одинаково» [8, с. 33, 126].

В своем исследовании «Красной смуты» В. П. Булдаков неоднократно подчеркивал деморализующий характер «общинной революции», «нравственный вывих растащивки» – как непосредственно в момент ее действия, так и в долговременной перспективе. Вопрос о моральности действий крестьян ушел на дальний план памяти селькоров. Впрочем, с точки зрения крестьянского этоса и исторической памяти, действия общинников были справедливы, а для молодого поколения 1920-х гг. верным, а потому моральным, становился классовый подход.

Хотя существовала региональная специфика крестьянских действий, все же на первом месте памяти была всеобщность крестьянских действий. Селькор из Брянской губернии отмечал: «Крестьяне деревни не принадлежали ни к какой партии, у них течение было свое особенное, везде, где только было чего много, все разбиралось под лозунгом “все народное”» [6, с. 13].

Деревня испытала состояние опьяненности в прямом и переносном смысле. Яркие описания разгрома винокуренных заводов (нередко – с жертвами) и сопровождавших их пьяных оргий. Кстати, подобные свидетельства были исключены из второго издания сборника воспоминаний.

О. А. Сухова обратила внимание, что социальная агрессия в период «общинной революции» на каком-то этапе приобрела «карнавальную» характер [18, с. 570–581]. Воспоминания запечатлели моменты, когда крестьяне «примеривали» на свои двory господский скот и инвентарь; случалось, что доходило до драк между мужиками при захвате помещичьих вещей. Но «карнавал» мог иметь и более жесткие проявления, хотя свидетельств физических расправ с помещиками было немного. Возможно, крестьяне не хотели представить свои действия с этой стороны.

В воспоминаниях о революции характерный для 1920-х гг. конфликт «крестьянство – власть» не был выражен непосредственно, однако косвенные свидетельства позволяют его обозначить. Сравнение опубликованных и сохранившихся архивных материалов об аграрном движении 1917 г. дает возможность увидеть, что вне публикаций осталось многое, демонстрировавшее силу крестьянского совместного действия, главным образом на основе общины. Крестьяне помнили и другие столкновения, обострявшие конфликт уже внутри нее самой, но им придавалось меньшее значение. Главным для селькоров, хотя и включенных уже в официальный дискурс, но все же сохранивших свою крестьянскую идентичность, было показать свою солидарность в борьбе с другим миром, другой культурой. Память о некогда проявившей себя сплоченности была нужна крестьянам как способ демонстрации претензий к власти, тем более что и сила сельской общины в середине 1920-х гг. была реальной и само крестьянство обладало потенциалом для выдвижения не только экономических, но и политических требований. Это восприятие настоящего в контексте прошлого оказалось полезным власти как необходимая информация, позволившая нанести упреждающий удар по сельскому обществу и его институтам в конце 20-х гг. Власть всячески поддерживала память о борьбе крестьян с помещиками, а память о мобилизующей силе крестьянского повстанческого движения в годы Гражданской войны оказывалась под запретом. В то же время в годы «великого перелома» делалась ставка на хранившийся в деревенской памяти опыт внутриобщинных столкновений.

Так или иначе, подобные воспоминания о революции 1917 г. можно рассматривать в качестве одной из составляющих идеологической подготовки к «революции сверху» рубежа 1920–1930-х гг.

Библиографический список

1. **Нора, П.** Всемирное торжество памяти / П. Нора // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М. : Новое литературное обозрение, 2005. – 780 с.
2. **Репина, Л. П.** Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории / Л. П. Репина // Одиссей. Человек в истории. 1996. – М., 1996. – С. 25–38.
3. **Леонтьева, О. Б.** «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке / О. Б. Леонтьева // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. – 2015. – Вып. 50. – С. 59–93.
4. **Кабанов, В. В.** Собрание и публикация в 20-х годах крестьянских воспоминаний об аграрной революции и гражданской войне в России / В. В. Кабанов // Археографический ежегодник за 1984 год. – М., 1986. – С. 182–187.
5. **Лозбенев, И. Н.** Выселение бывших помещиков из мест их проживания в регионах Центральной России в 1925–1927 годах / И. Н. Лозбенев // Российская история. – 2009. – № 1. – С. 81–86.
6. Война крестьян с помещиками в 1917 г. Воспоминания крестьян / под ред. Я. А. Яковлева. – М. : Крестьянская газета, 1926. – 79 с.
7. Революция в деревне в 1917 г. Воспоминания крестьян / под ред. и с предисл. Я. А. Яковлева. – М. : Крестьянская газета, 1927. – 41 с.
8. 1917 год в деревне. Воспоминания крестьян / сост. И. В. Игрицкий. – М. : ГИЗ, 1929. – 360 с.
9. 1917 год в деревне (Воспоминания крестьян) / сост. И. В. Игрицкий ; предисл. Я. А. Яковлева. – М. : Политиздат, 1967. – 288 с.
10. **Кабанов, В.** Крестьянские мемуары / В. Кабанов // Новый мир. – 1967. – № 10. – С. 265–267.
11. **Великанова, О. В.** Разочарованные мечтатели: Советское общество 1920-х гг. / О. В. Великанова. – М. : Политическая энциклопедия, 2017. – 295 с.
12. **Булдаков, В. П.** Красная смута. Природа и последствия революционного насилия / В. П. Булдаков. – 2-е изд., доп. – М. : РОССПЭН, 2010. – 967 с.
13. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 396. Оп. 3. Д. 765. Л. 1–10 об.
14. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 85. Д. 281. Л. 125.
15. Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет : в 2 т. – М. : Госполитиздат, 1962. – Т. II. – С. 849–1722.
16. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы : в 5 т. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М. : РОССПЭН, 1999. – 880 с.
17. **Люкшин, Д. И.** Вторая русская смута: крестьянское измерение / Д. И. Люкшин. – М. : АИРО-XX, 2006. – 133 с.
18. **Сухова, О. А.** Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья / О. А. Сухова. – М. : РОССПЭН, 2008. – 677 с.

References

1. Nora P. *Pamyat' o voyne 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa* [Memory about the war 60 years after: Russia, Germany, Europe]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005, 780 p.

2. Repina L. P. *Odissey. Chelovek v istorii. 1996* [Odysseus. The man in history. 1996]. Moscow, 1996, pp. 25–38.
3. Leont'eva O. B. *Dialog so vremenem: Al'manakh intellektual'noy istorii* [A dialogue with time: Almanac of intellectual history]. 2015, iss. 50, pp. 59–93.
4. Kabanov V. V. *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1984 god* [Archeographic yearbook of 1984]. Moscow, 1986, pp. 182–187.
5. Lozbenev I. N. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history]. 2009, no. 1, pp. 81–86.
6. *Voyna krest'yan s pomeshchikami v 1917 g. Vospominaniya krest'yan* [The war peasants with landowners in 1917. Memories of peasants]. Ed. by Ya. A. Yakovlev. Moscow: Krest'yanskaya gazeta, 1926, 79 p.
7. *Revolyutsiya v derevne v 1917 g. Vospominaniya krest'yan* [The revolution in the village in 1917. Memories of peasants]. Ed. by Ya. A. Yakovlev. Moscow: Krest'yanskaya gazeta, 1927, 41 p.
8. *1917 god v derevne. Vospominaniya krest'yan* [1917 in the village. Memories of peasants]. Comp. by I. V. Igritskiy. Moscow: GIZ, 1929, 360 p.
9. *1917 god v derevne (Vospominaniya krest'yan)* [1917 in the village (Memories of peasants)]. Comp. by I. V. Igritskiy. Moscow: Politizdat, 1967, 288 p.
10. Kabanov V. *Novyy mir* [New world]. 1967, no. 10, pp. 265–267.
11. Velikanova O. V. *Razocharovannye mechtateli: Sovetskoe obshchestvo 1920-kh gg.* [Disappointed dreamers: the Soviet society of 1920s]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2017, 295 p.
12. Buldakov V. P. *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [The red revolt. The nature and aftermath of the revolutionary violence]. 2nd ed., suppl. Moscow: ROSSPEN, 2010, 967 p.
13. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki (RGAE)* [Russian State Archive of Economics (RGAE)]. F. 396. Op. 3. D. 765. L. 1–10 ob.
14. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Sociopolitical History (RGASPI)]. F. 17. Op. 85. D. 281. L. 125.
15. *Pyatnadsatyy s"ezd VKP(b). Stenograficheskiy otchet: v 2 t.* [XV Congress of the AUCPB. Verbatim record: in 2 volumes]. Moscow: Gospolitizdat, 1962, vol. II, pp. 849–1722.
16. *Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy: v 5 t. T. 1. May 1927 – noyabr' 1929* [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession of the kulaks. 1927–1939. Documents and materials: in 5 volumes. Vol. 1. May 1927 – November 1929]. Eds. V. Danilov, R. Manning, L. Violy. Moscow: ROSSPEN, 1999, 880 p.
17. Lyukshin D. I. *Vtoraya russkaya smuta: krest'yanskoe izmerenie* [The second Russian revolt: peasant dimension]. Moscow: AIRO-XX, 2006, 133 p.
18. Sukhova O. A. *Desyat' mifov krest'yanskogo soznaniya: Ocherki istorii sotsial'noy psikhologii i mentaliteta russkogo krest'yanstva (konets XIX – nachalo XX v.) po materialam Srednego Povolzh'ya* [10 myths on the peasant consciousness: Essays on the history of Russian peasantry's social psychology and mentality (late XIX – early XX centuries) by the materials of the Middle Volga region]. Moscow: ROSSPEN, 2008, 677 p.

Кознова Ирина Евгеньевна

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, сектор философии культуры, Институт философии Российской академии наук (Россия, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1)

E-mail: i.koznova@mail.ru

Koznova Irina Evgen'evna

Doctor of historical sciences, leading researcher, Department of Philosophy of Culture, the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (building 1, 12 Goncharnaya street, Moscow, Russia)

УДК 930.2

Кознова, И. Е.

Большевики и крестьянство в годы нэпа: мобилизуя память о революции / И. Е. Кознова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2018. – № 3 (47). – С. 33–43. – DOI 10.21685/2072-3024-2018-3-4.